

М.А. Демчинова

Значение алтайских народных песенных состязаний

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функций песенных состязаний у алтайцев, особое внимание уделено функции психосоциального регулирования и этическому действию песенных импровизаций. В песнях выдающихся исполнителей рубежа XIX–XX вв., в том числе чолушманского певца Калана, важное место занимает также социальная тематика. С конца прошедшего столетия традиции песенных состязаний стали возрождаться в форме конкурса певцов.

The paper describes the functions of song contests of Altaians. The emphasis is upon regulation of social empathic and the ethic aspects of song improvisation. In songs of the outstanding singer Kalan from Cholushman the social themes play a critical part. From the end of XXth century the tradition of song contests reappears as a singers' competition.

Ключевые слова: песенные состязания алтайцев, функции песенных импровизаций.

Song contests of Altaians, the functions of song improvisations.

УДК: 398.

Контактная информация: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6. Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел.: (388-22)2-53-18.

В алтайской народной среде существует традиция песенных состязаний, уходящая своими корнями в древнюю восточную традицию общения посредством песни. В устном народном творчестве обнаруживаются песенные диалоги на тему любви, восхваления, «песенного бичевания» людьми друг друга (песни сатирического характера) и др., за которыми стоят знаменитые мастера исполнения народных песен. Исследователь алтайских народных песен Т.С. Тюхтенов, анализируя песенные состязания, писал: «В старину такие песни были распространены в народе весьма широко. Певец, вызванный на такое состязание, должен был отвечать импровизацией своему сопернику, и так продолжалось до тех пор, пока один из соревнующихся не умолкал, истощив свое красноречие или не найдя ответной песни» [1972: 48].

Если обратиться к истории собирания алтайских народных песен, то их первые письменные записи обнаружили лишь в середине XIX в. в трудах В.В. Радлова, Вербицкого и др., а нотные – только в начале XX в. в записях А.В. Анохина. Судя по материалам Радлова, Вербицкого, Потанина, Калачева, Анохина, Дыренковой и других исследователей минувших веков, в то время среди алтайцев было много мастеров пения.

В письменных источниках (в трудах алтайских фольклористов Т.С. Тюхтенева, С.С. Суразакова и пр.) упоминаются имена знаменитых алтайских певцов из долины р. Чолушман: Калан, Колонды, Созын, Астам, Муклай Чолтуков и др. Они участвовали в песенных состязаниях, устраиваемых правящей верхушкой. До сегодняшнего дня в народе известны их имена. Их песни поныне бытуют, будучи включенными в устные рассказы-воспоминания о них и об их песнях, т.е. эти песни уже не поются, а только рассказываются.

В монографии Т.С. Тюхтенева приводятся песни-состязания Калана и чуйской теленгитки: «...Чолушманский певец Калан был вызван чуйскими теленгитами на состязания певцов. Когда он приехал, его привели в аил, где сидело много людей, и посадили у порога. Соперником его была женщина. Песню начала женщина:

Чолушманды кем көрбөөн?

Чолушман жаман јер эмей.

Сен Каланды кем укпаан?

Чор ло тенек эр эмей.

Алтын-Көлдү кем көрбөөн?

Агып турган суу эмей.

Сен Каланды кем укпаан?

Алаа-тенек эр эмей...

Кто не видел долину Чолушмана?

Ведь это кривые, нехорошие места.

Кто Калана не слышал?

Ведь он круглый дурак.

Кто не видал Алтын-Кёля?

Ведь это всего-навсего быстротечная река.

Кто Калана не слышал?

Ведь он глупый человек...

Калан ответил:

Эре Чуйды кем көрбөөн?

Эн сары чөл эмей.

Сен кадытты кем укпаан?

Эри јокко тул эмей.

Кадын ичин кем көрбөөн?

Каскак жаман јер эмей.

Сен кадытты кем укпаан?

Кара јангыс тул эмей.

Извилистую долину реки Чуи кто не видал?

Это же безжизненная желтая степь.

Такую женщину кто не знает?

Ведь ты вдова, не бывшая замужем.

Кто не видал долину Катунь?

Ведь это крутые, плохие места.

Такую женщину кто не знает?

Ведь ты незамужняя вдова».

[Там же: 49].

В книге профессора С.С. Суразакова «Алтай фольклор» говорится:

«...Чолушманда Калан деп кожончы ла Семен Жулуков деп жайзан тартышкан. Семен Жулуков Каланды “тербезен” деп айткылаарда, Калан кожонгында оны “кылчыр көстө, тенек” деп айткылаган. Жайзан ачынала, төлөбөгөн каланды төлөзін деп жакарган. Калан кожондогон:

Аркамайда тонным жок,

Жылынаш калдым, ой жайзан.

Арыбайтан адым жок,

Жою бастым, ой жайзан.

Жайзан оны чыбыктазын деп колтукчыларына жакарган. Чыбыктап тура, Калан кожондогон:

Жерден бүткен жаш агаш

Каным агысты, ой жайзан.

Жакшылардан мен деген,

Жакшыг билдим, ой жайзан».

«...В Чолушмане певец по имени Калан состязался с зайсаном Семеном Дьулуковым. Когда Семен Дьулуков обозвал Калана бродягой, Калан в своей песне обозвал его косоглазым дураком. Зайсан, рассердившись, приказал немедленно заплатить ясак. Калан пел:

На мне шубы нет,

Раздетым остался, ой, *зайсан*.

Неутомимого коня моего нет,

Пешим хожу, ой, *зайсан*.

Зайсан приказал своим слугам, чтобы они его высекли. Когда его секли, Калан пел:

Дерево, выросшее из земли,

Кровь мою выпустил, ой, *зайсан*.

Из хороших ты, сказал,

Как ты хорош, я узнал, ой, *зайсан*».

[Суразаков 1975: 90–91].

Фольклористы Института алтаистики им. С.С. Суразакова в 2008 г. провели экспедиции в Улаганский, Усть-Канский и Онгудайский районы Республики Алтай. В октябре того года нам довелось побывать в с. Балыкчы в Чолушманской долине Улаганского района и побеседовать с правнучкой знаменитого теленгитского певца Калана. Зовут ее Тамара Каланова-Талашова, она домохозяйка. Она поведала нам о своем прадедушке Калане:

«Мениг ада-өбөкөмнун угы-төзи, тайдамнын, ада-энемнин айтканыла болзо, жаан көстө, кап-кара кабакту, табыжы жаан кызыл улус дийт. Калан ла Колонҗы деген улус коркушту жөскир улус дийт (сууга сүреен жакшы эжсинер, кемелеер). Онын кожондорун адам айдып отуратан, кожондоп отуратан жок по. Энем база кожондойтон. Каланнын жүрген ойинде жытас сөктөр Акчын Семеен деп жайзан болгон болтыр. Байа-а Калан десе ол Семеенди сөккөн:

Тар өдөктөр мен, Калан,

Таг алдында жоболон.

Эки кадытту сен, Семеен,

Эр жажына жоболон.

Калан Аба-Жышка барала, бир эмеенле кожондошканы керегинде уккам.

[Калан] *Көк-Баиша суудын кырында отурадда, (Каланнын айлы анда болордо), бир кыс бала кружкада талкан булгап алган отурган. Ол кыс бала Каланга кожондоп береер, талкан берерим дееерде, Калан кожондогон:*

Көрөшкеде каймакка

Көчим жетпес дедин бе?

Сен, көчөкче балага,

Ада болбоон дедин бе?»

«Предки моего деда, по тому, как сказали, мой дед по матери, мой отец и моя мать, были большеглазые, с черными-пречерными бровями, громкоголосые, крупные и краснолицые люди. Говорят, что Калан и Колонды были очень сильными пловцами (в реке очень хорошо плавали и гребли веслами на лодке). Его [Калана] песни говорил мой отец, пел ведь. Мать моя тоже пела. Во времена, когда жил Калан, был, оказывается, зайсан из рода дытас Акчын Семеен. Тот Калан Семеена “стал разделять” [песней]:

Я, Калан, в тесной обуви
Под утро [начинаю] страдать.
Двоеженец ты, Семеев,
Всю жизнь страдаешь.

Я слышала, как Калан, поехав в Аба-Дьыш, с одной женщиной состязался в песнях.
В [местности] Кёк-Баш, где была юрта Калана, на берегу реки сидела девочка с кружкой талкана
руках. Когда та девочка попросила Калана спеть, пообещав, что она ему даст кружку с талканом, Ка-
лан пел:

На кружку сливок
Не хватит у меня сил, думаешь?
Ребенку, как ты, щенок,
Не был отцом, думаешь?»

[Алтай калыктын кожондоры 2010: № 173].

В селе Паспарты того же Улаганского района известная народная певица Магдалина Семеновна
Тонтушева рассказывала:

*«Калан деген кижиси менинтаайым. Ол энемнин адазынын карындажы. Энем Кыгыракова Анна
Михайловна Чолушманнын кижизи. Ол 1968 жылда божогон. Тайдазынын ады Кыгыраков Михаил.*

*Бир тушта Каланды жайзандар Чуйга кожондоштырып апарган эмтир. Оныла кожондожорго
келген кижиси карынду үй кижиси дийт. Ол үй кижиси аттанг түжеле, Каланга кожондогон:*

*Чолушман деп Алтайы
Кайа-ташту жер эмтир.
Чолушманнан келген ол уулы
Чор ло тенек уул деген.*

*Кабыс-Тайга – Алтайы
Капчал ташту жер деген.
Калан деген ол уулы
Кал ла тенек уул деген.*

Байагы карынду келинге Калан удур кожондогон:

*Үч бородын бажында
Үйген жүрзе, таныкту.
Үй кижинин ичинде
Үрен жүрзе, таныкту.*

*Чодон-чоокыр адымнын
Чоокырын тоолоп болбозың.
Чор ло тенек Каланла
Сен ченежип болбозың.*

*Байагы келин бозогоды да ажыра алтабаан, ыйлаган, атты минген, жүралан.
База бир катап Калан Семеев жайзанды сөккөн эмтир. Семеев андый кылчыр көстө кижиси дийт.
Эм Калан оныла берижип жаткан:*

*Кызыл-буурыл жабаады
Айгыр салган жонымды.
Кылчыр-тангак Семеевди
Жайзан туткан жонымды.*

*Ала-чоокыр жабаады
Айгыр салган жонымды.
Ала-тенек Семеевди
Жайзан туткан жонымды.*

*Каланды тудала, чакыга жаба тангыйла, чыбыктаган дийт. Калан жаргак тонду, таарчык бөрөктө
жүрер эмтир. Көргө-макка барза, ол чоокыр атту барар».*

«Человек по имени Калан мой дядя [по матери]. Он моей матери отца брат. Моя мать Кынгыракова Анна Михайловна, человек из Чолушмана. Она умерла в 1968 году. Ее дед по матери – Кынгыраков Михаил.

Однажды зайсаны повезли Калана на Чую [в Кош-Агач] на состязание певцов, оказывается. С ним состязаться в песне пришла беременная женщина, говорят. Та женщина спешила и спела Калану:

Алтай [местность] по названию Чолушман
Скалистый-каменистый, говорят.
Из Чолушмана пришедший парень
Совсем дурак, говорят.

Алтай [родина его] Кабыс-Тайга
С каменистыми ущельями, говорят.
Парень по имени Калан
Полоумный, оказывается.

Этой беременной женщине Калан ответил песней:

По узде на голове трех бело-серых коней
Легко узнать [, чьи они].
В утробе женщины
Когда семя лежит, заметно.

Переливчато-пестрого коня моего
Пестрины не сможешь сосчитать.
С совсем придурковатым Каланом
Ты не сможешь состязаться.

Та женщина даже через порог не переступила, заплакала, села на коня, уехала. В следующий раз Калан “разделявал” [песней] *зайсана* Семеена, оказывается. Семеен такой косоглазый человек, говорят. Теперь Калан его дразнит:

Красно-чалого двухгодовалого жеребенка
Объявивший жеребцом мой народ.
Косого и с бельмом на глазу Семеена
Избравший *зайсаном* мой народ.

Пего-пестрого двухгодовалого жеребенка
Объявивший жеребцом мой народ.
Полоумного Семеена
Избравший *зайсаном* мой народ.

Калана поймали, привязав к коновязи, высекли, говорят. Оказывается, Калан ходил в замшевой шубе, матерчатой шапке. На состязание и награждение он ездил на пестром коне» [Алтай калыктын кожондоры 2010: № 174].

Известная исполнительница алтайских народных песен Фекла Пантелеевна Тандина, проживающая в с. Улаган, рассказала нам о том, как Калан состязался в песне с женщиной-вдовой в Онгудайском районе.

На примере устных данных алтайского народа о творчестве знаменитого певца Калана мы проследили, как его песни передаются из уст в уста в течение века, не меняя свои стержневые формально-содержательные константы, варьируя лишь в пределах лексическо-семантических единиц воплощения. Песни обрели форму фрагментарных воспоминаний с песенными вставками.

Приведенные выше материалы показывают, что песенные состязания у алтайцев – это древняя народная традиция. Песенные состязания служили народной школой по подготовке психически уравновешенных, стойких людей. Они давали человеку возможность постигать тайны человеческой психологии и психики и уходят корнями в древнюю традицию Востока – развитие души человека через психологические испытания. Состязание в песне – это своего рода инструмент для испытания человека на предмет его внутреннего духовного роста.

Из приведенных рассказов мы видим, что зайсаны Алтая при помощи талантливых певцов устраивали специальные зрелищные представления «сөгөш кожон» – букв.: «разделка-песня» или «распор-

ка-песня»; певцы состязались в умении мастерски импровизировать песни на тему выявления недостатков друг у друга. Надо полагать, что на песенные состязания собираются певцы, преодолевшие комплекс неполноценности, управляющие своими эмоциями, освободившиеся от уз страха, гнева, зависти и других пороков. Думается, такие певцы осознавали истинное назначение песенных слов, которое заключается в том, чтобы развить душу человека, очистить его от «эмоциональной грязи», а также подготовить к дальнейшему духовному росту – восприятию другого человека таким, какой он есть, со всеми его позитивными и негативными чертами. Достигшие высокого уровня духовности состязавшиеся певцы не отождествляют себя с образами, обрисованными их соперниками, поэтому у них не бывает даже намека на обиду, тем более на гнев. Певцы должны были воспринимать друг друга не как врагов, а как учителей.

Песни Калана, содержанием которых является «бичевание зайсанов», демонстрируют еще одну сторону жизни алтайцев того времени. Правлением зайсана Семеена народ был недоволен, его облагали непомерными налогами. Калан здесь выступил в роли «придворного шута» – *тастаракая* («плешивца») и стал в песне высказывать мнение общества. Тот факт, что зайсан Семеев, обидевшись на певца, дал приказ высечь его, говорит о его недостатках как человека, правящего народом. Семеев оказался не мудрым, не просвещенным зайсаном. Мудрый человек должен был усмотреть в песнях Калана свои недостатки в правлении, задуматься над этим и начать их исправлять. Все примеры состязаний певцов с Каланом указывают на то, что его соперники психологически далеко не были подготовлены к такой работе над собой. Думается, что ко времени Калана традиция песенных состязаний уже стала утрачивать свое прежнее значение и смысл.

Традиция проведения песенных состязаний среди алтайцев была утрачена в связи с переменами, которые произошли в их жизни с приходом революционного переустройства общества на советский лад. Это, разумеется, был закономерный процесс.

С середины 1990-х гг. традиции песенных состязаний стали возрождаться в форме конкурса певцов. По образцу старинных песенных состязаний в Республике Алтай регулярно проводились и ныне проводятся конкурсы «Сөннөш кожон» в рамках народных праздников «Дьангар кожон» и «Эл-Ойын». Таким образом, алтайская традиция песенных состязаний еще жива, она словно «пульсирует во времени», то затихая, то возрождаясь, и ждет от исследователей всестороннего изучения.

Алтай калыктын кожондоры: Сб. текстов алт. нар. песен / Сост. М.А. Демчинова, А.А. Конунов, К.Е. Укачина. Горно-Алтайск, 2010.

Тюхтенев Т.С. Алтайские народные песни. Горно-Алтайск, 1972.

Суразаков С.С. Алтай фольклор. Горно-Алтайск, 1975.